

Глава 22. Поцеловал его

Четыре шичэня назад

Пустынная гора, заросшая колючим кустарником, на подступах к столице царства Ли.

Стоял полдень, но небо заволокло зловещей, непроглядной темью. Нависшие свинцовые тучи, казалось, вот-вот готовы были рухнуть на землю, похоронив под собой всё живое.

Юаню Чэ казалось, будто он блуждает в бреду, где всё перевернулось с ног на голову. Воспоминания о двух жизнях переплетались, ломая всякую логику. Императорская тюрьма из его прошлого воплощения оставалась самым жутким кошмаром — именно там он потерял Шэнь Чжиюя, а вместе с ним и всё, что кропотливо созидал долгих семь лет.

Но в этом полузабытии случилось чудо: Шэнь Чжиюй открыл глаза. Обезумев от счастья, Юань Чэ разрыдался и приник к его губам. Этот поцелуй не имел ничего общего с привычной холодностью канцлера — в нём не было ни притворства, ни сдержанности. Лишь неистовая, почти грубая страсть.

«Ли Хай — гнида, не верь ему».

«Пожалуйста, не злись на меня...»

«Я был кругом виноват».

«Ты мне нужен... безумно нужен...»

— Ваше Величество...

— Ваше Величество!

Юань Чэ резко распахнул глаза.

Разум мгновенно прояснился, прогоняя остатки сна. Он вспомнил всё. Они договорились с Шэнь Чжиюем, что армия Гуйжун будет отступать не спеша. Прежде ни войска царства Ли, ни их ополченцы не представляли для него никакой угрозы — северянам даже приходилось сдерживать натиск, чтобы ненароком никого не убить. Это была скорее игра на измор, позиционная борьба, но никак не резня. Однако минувшей ночью Юань Чэ почувствовал, как воздух пропитался чужой, неприкрытой жадой крови.

Он знал войну так же безупречно, как вожак стаи знает запахи на своей территории. Каждый

отряд, каждая армия из-за различий в подготовке и боевом опыте пахла по-особенному. И ночная атака не имела отношения ни к регулярным силам Ли, ни к местному ополчению. Это был удар третьей — безжалостной и грозной — силы.

Юань Чэ сидел на каменистом склоне холма, привалившись спиной к корявому стволу дерева. Грудь его тяжело вздымалась. Противник перехватил инициативу, загнав его людей в эти дебри, а сам он из-за собственной беспечности схлопотал стрелу в плечо. До условленного срока с Шэнь Чжияем оставалось всего три дня. И надо же было всему пойти прахом именно сейчас!

Резкий свист рассекаемого воздуха!

Юань Чэ среагировал инстинктивно. Он рванулся вперёд, сбивая с ног подбегавшего к нему гонца. Оба покатались кубарем по каменистому склону. Посреди этой кутерьмы император ухватился за выступающий валун, гася инерцию. В то же мгновение туда, где они только что стояли, со звоном вонзилась стрела. Не оказался он столь быстр, вестник уже был бы мёртв.

Смахнув с лица холодный пот, Юань Чэ вскинул голову, и его зрачки сузились от ужаса. Небо потемнело от тучи летящих в них стрел.

Очередной внезапный налёт ошеломил воинов Гуйжун, но растерянность длилась лишь миг. Северяне мгновенно перестроились, смыкая щиты. И хотя лагерь изрядно разворотило, слаженные действия уберегли войско от серьёзных потерь.

Выхватив саблю, Юань Чэ несколькими взмахами перерубил летящие в него древки. Помогая подняться пожилому гонцу, он обернулся и зычно крикнул:

— Чжото!

— Ваше Величество... — старый воин вцепился в плечо государя. Он был крепкого сложения, закалён в боях и отделался лишь парой царапин. — Ваше Величество, нас отрезали. Ни одного вестника не выслать. Ждём ваших повелений!

«Решать...»

Юань Чэ оказался на распутье. Эти лесистые горы были для северян родной стихией, они без труда могли сокрушить засаду. Но если они обнажат клинки по-настоящему, сколько прольётся крови? Не пойдёт ли прахом весь их хитроумный план?

И главное... Шэнь Чжияй, оставшийся в Резиденции князя Ли. Не зацепит ли его эта буря, если император начнёт действовать напролом? Тем временем сотни преданных глаз смотрели на него в ожидании приказа. Эти воины не знали страха.

Выходцы с ледяных перевалов Севера привыкли к вечной стуже и битвам не на жизнь, а на смерть. Их названными братьями были свирепые волки. Они не ведали сомнений и презирали гибель.

Подоспевший Чжото спешно распахнул походную аптечку и принялся перевязывать раненого гонца. Передав ему пострадавшего, Юань Чэ медленно поднялся в полный рост. Его мысли прояснились. В этот миг он походил на вожака волчьей стаи, готового пробить дорогу сквозь лавину. Он никогда не страдал малодушием. Если на пути встанут боги — он убьет богов, если встанет Будда — сокрушит Будду. Враг должен лежать у его ног.

— Воины, слушайте мой приказ!

Богомол охотится на цикаду, не подозревая об иволге за спиной. Но в своей самоуверенности просчитался не один лишь Юань Чэ.

У городских ворот столицы Ли

Тяжёлый глухой стук.

Последнее безжизненное тело защитника города сбросили со стены. На груду трупов вылили масло и бросили зажжённый трут — пламя мгновенно охватило мёртвую плоть, к небу повалил густой удушливый дым. Местных ополченцев заперли под стражей, а все подступы к воротам заняли воины в безликих чёрных доспехах.

Их предводитель, облачённый в парчу ночного цвета — тот самый загадочный гость, что месяц назад тайно навещал резиденцию Ли-вана, — восседал на помосте у ворот. К нему поспешно приблизился офицер и склонился в докладе:

— Князь, наши силы взяли войско варварского императора в плотное кольцо.

— Сколько мы сможем их удерживать? — не оборачиваясь, спросил мужчина в чёрном.

— Ваш слуга виновен... Волки этого варвара уже почуяли след. Мы продержимся максимум сутки.

— Этого более чем достаточно.

Мужчина поднялся и неторопливо подошёл к одному из пленных горожан, сидевшему на коленях в пыли. Присев перед ним, он тихо спросил:

— Жить хочешь?

Несчастный дрожал всем телом, его зубы громко стучали. Лишь теперь, глядя на творящуюся вокруг жестокость, он запоздало понял: дикари из Гуйжун всё это время лишь забавлялись с ними, не желая проливать кровь. А вот эти новые хозяева города шутить не станут. Бедолага отчаянно закивал:

— Хочу! Сжальтесь, господин, очень хочу!

— Тогда сделаешь в точности то, что я велю. Ступай в резиденцию Ли-вана и разнеси весть: император северных варваров сражён шальной стрелой. И гляди, сделай так, чтобы об этом непременно прослышал господин канцлер.

Пленного развязали и пинком выставили за ворота. Смотря ему вслед, человек в чёрном мягко, почти ласково улыбнулся.

«А-Юй... уж ты-то меня не разочаруешь, верно?»

Резиденция князя Ли

С тех пор как Вэй Си принёс страшную весть, прошло уже около четверти часа.

Всё это время Шэнь Чжиюй хранил пугающее, ледяное спокойствие. Лишь взгляд его на мгновение померк, но больше ни единый жест, ни единое движение не выдали его смятения.

Пламя свечи неровно дрожало, отбрасывая на стены длинные, зыбкие тени. Гнетущее молчание, воцарившееся в покоях, казалось, физически давило на плечи. Маленький евнух Вэй Си шумно сглотнул, холодный пот катился по его пухлым щекам. Такой Шэнь Чжиюй — тихий, застывший — страшил куда сильнее любого безумного гнева. Наконец, не выдержав напряжения, слуга робко подал голос:

— Господин... как же нам быть...

— М-м? — Шэнь Чжиюй даже не поднял головы.

Он сидел за столом, держа наготове кисть. Перед ним лежал свиток рисовой бумаги, исписанный именами, которые соединялись в сложную, запутанную сеть линий. Погрузив кончик кисти в тушечницу, он уверенным, хотя и излишне резким движением зачеркнул иероглиф «Чжао».

— Не говори глупостей, — негромко произнёс канцлер. — И не верь праздным слухам.

Повторив это, он вновь потянулся к туши. Однако если бы кто-то присмотрелся внимательнее, то заметил бы, что пальцы канцлера едва заметно дрожат. Кисть слишком глубоко ушла в вязкую черноту, и тяжёлая тёмная капля сорвалась вниз, пачкая его ладонь и белоснежный манжет широкого рукава. Шэнь Чжияй попытался стереть пятно пальцами, но лишь сильнее размазал грязь по коже и ткани. Разве можно смыть свежую тушь голыми руками?

Внутри него бушевал ураган. Но он отчаянно цеплялся за маску невозмутимости.

Почерк Шэнь Чжияя всегда славился изяществом: он не грешил сухой официальностью, свойственной каллиграфии чиновников, но и не уходил в вычурную манерность, которой баловались столичные поэты. И теперь этот некогда безупречный строй знаков был безжалостно перечёркнут. Сначала один небрежный крест поверх фамилии «Чжао», а следом — быстрый, размашистый росчерк прямо по иероглифу «Ли». Грязно, рвано.

Отложив кисть, Шэнь Чжияй поднялся из-за стола и подошёл к окну. Кончики его пальцев трижды глухо ударили по деревянному подоконнику.

Раз. Два. Три.

Почти бесшумно из ночной темноты соскользнула тень. Уянь опустился на одно колено, почтительно склонив голову.

Канцлер не спешил говорить. Он молча вглядывался в морозный сумрак, подставив лицо порывам ледяного ветра. Все его чувства были надёжно заперты в глубине ясных глаз. За долгие годы он привык: какие бы бури ни сотрясали мир вокруг, ничто не должно затмевать разум и мешать делу. Имя Шэнь Чжияя было синонимом безупречного расчёта, неподвластного мимолётным слабостям.

Не дождавшись слов, Уянь заговорил первым:

— Господин, какие будут приказания?

— Ты веришь в это? — тихо, почти невесомо спросил Шэнь Чжияй.

«Они говорят, вашего повелителя больше нет. Веришь?»

Ответ прозвучал твердо и без малейших колебаний:

— Не верю.

— Раз не веришь — ступай и выясни правду, — голос канцлера обдал холодом, изо рта вырвалось облачко белого пара. — Мне всё равно, к каким средствам тебе придётся прибегнуть. К рассвету я должен знать всё.

— Слушаюсь! — тень скользнула обратно во мрак.

Шэнь Чжиюй вернулся к столу и коротко бросил притихшему слуге:

— Разотри тушь.

Кто-то решил сыграть с ним в кошки-мышки. Что ж, пусть пытаются. Но он не позволит водить себя за нос. Напротив, это превосходный шанс вынудить кукловода показать свой хвост, наступить на него и выдрать с корнем всю змеиную кладку.

Сгребнув со стола исчерканные листы, канцлер отшвырнул их в сторону. Он расправил чистый свиток плотной бумаги и поправил фитиль светильника, делая пламя ярче.

Потянулась долгая, бесконечная ночь.

Вэй Си и сам не заметил, как его сморил сон. Проснулся он от звонкого щебета ранних птиц за окном. Открыв глаза, он так и замер: двор за ночь укрыло пушистым белым ковром — шёл сильный снегопад. А Шэнь Чжиюй всё так же сидел на своём месте. Свеча давно оплыла, превратившись в бесформенную лужицу застывшего воска.

Канцлер не смыкал глаз. На бледном лице выделялись тёмные круги, в белках глаз полопались тонкие сосуды. Но на лежащем перед ним листе теперь ровными рядами пестрели имена, и лишь несколько из них были обведены жирной тушью. Безумие ночи отступило, уступив место холодному расчёту. Он сопоставил всё, что происходило в царстве Ли за последнее время, увязал мелкие нестыковки воедино и соткал из них прочную сеть, из которой врагу не выпутаться. Осторожно сложив бумагу, он спрятал её в рукав.

В этот момент в комнату беззвучно скользнул Уянь.

— Господин, вести недобрые, — доложил телохранитель. — Столица Ли взята в кольцо неизвестными отрядами. Никого не впускают и не выпускают. Прикажете пробиваться силой?

— В этом нет нужды, — Шэнь Чжиюй мельком глянул на своё измождённое отражение в медном зеркале. — Сейчас у нас другая задача.

Он поманил воина ближе и едва слышно зашептал ему на ухо.

— Будем считать, что с прошлым поручением ты не справился, — ровным тоном закончил

канцлер. — На этот раз я даю тебе один шичэнь. Ошибки быть не должно.

Глаза Уяня расширились от изумления. Но он был лучшим из лучших в Армии Гуйжун — недаром сам Юань Чэ доверил ему охрану своего возлюбленного. В лагере все знали, насколько одержим император господином канцлером, и Уянь понимал цену малейшей оплошности.

— Будет исполнено! — выдохнул гвардеец и исчез.

Вэй Си поспешил помочь хозяину привести себя в порядок: умыться, заново уложить волосы в аккуратный узел и сменить помятое за ночь платье. У самого выхода из внутренних покоев до ноздрей канцлера донёлся едва уловимый, тонкий аромат цветущей сливы мэйхуа. На прикроватном столике стояла ваза с веточкой. Шэнь Чжиюй помедлил, взял её и бережно спрятал за пазуху, ближе к сердцу.

Спустя пол-шичэня вернулся Уянь. Он молча протянул господину небольшой лакированный футляр чёрного цвета. Поручение было выполнено без сучка и задоринки.

Прошёл ещё час. Утро окончательно вступило в свои права.

Снаружи послышался весёлый шум, гомон голосов приближался к дверям. В залу бесцеремонно вошёл сияющий Ли-ван в окружении толпы своих советников. Лицо Ли Чжаня расплылось в довольной ухмылке:

— Господин канцлер, вы уже слышали прерадостную весть? Этому дикарю не повезло! Надо же, хвалёный император варваров по глупости словил шальную стрелу и испустил дух! Ха-ха-ха!

— Тот, у кого нет благословения Небес, обречён на падение, — Шэнь Чжиюй неспешно опустил на стол пиалу с остывшим чаем и тонко улыбнулся. — Князь, порученное мне дело завершено. Думаю, самое время обсудить наши прежние соглашения.

— Разумеется, разумеется! — великодушно махнул рукой Ли Чжань, ослеплённый внезапным триумфом. — Прошу вас, господин Шэнь.

Шэнь Чжиюй поднялся. Проходя мимо Чжао Ко, он на долю секунды переглянулся с ним.

Вэй Си, затаив дыхание, наблюдал за этим безмолвным обменом репликами. Маленький евнух не знал, какая именно буря сейчас разразится и сколько крови прольётся, но в мимолётном взоре своего господина он отчётливо прочёл две вещи:

Первое — Шэнь Чжиюй ни на единое мгновение не поверил в гибель Юань Чэ.

И второе — все эти люди в комнате не доживут до заката.

<http://bllate.org/book/20512/2151925>